

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Первая лекція по уголовному судоустройству и судопроизводству въ 187^о/₁ г.

В. В. Микляшевскаго.

Мм. Гг.

Перешло въ обыкновеніе начинать преподаваніе представленіемъ прекрасной картины, въ общихъ чертахъ обрисовывающей предметъ самыми яркими красками, чтобы восхитить слушателей, прикрыть темныя стороны предмета и трудности, которыми сопутствуется его изученіе—съ цѣлью привлечь и приготовить себѣ сотрудниковъ. На сколько это обыкновеніе основательно, не здѣсь мѣсто разсуждать. Скажу просто — я опасаюсь разочарованія, и нахожу болѣе соотвѣтственнымъ меньше обѣщать, чѣмъ услышать въ послѣдствіи, что обѣщанія не сбылись, что дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ общимъ предположеніямъ. Скажу болѣе: по моему, предметъ долженъ говорить самъ за себя. Преподаватель обязанъ представить его такъ, чтобы каждый изъ слушателей самымъ малымъ трудомъ могъ извлечь изъ преподаванія всю ту пользу, которая должна сопутствовать каждому университетскому чтенію. Если же предметъ представляетъ много затрудненій, если изученіе требуетъ много времени и труда, тогда, мнѣ кажется, преподаватель долженъ сразу связать о трудностяхъ, съ которыми долженъ бороться изучающій его, ибо онъ, такимъ образомъ, обезпечитъ желающа-

го изучить предметъ отъ потери времени, сопровождающей употребленіе слишкомъ малаго труда; не нуждающемуся же въ изученіи предмета укажетъ сразу, что лучше заняться чѣмъ либо другимъ.

Предметъ, который я буду имѣть честь излагать вамъ мм. гг., принадлежитъ къ этой категоріи

Теоретическое изложеніе уголовного судопроизводства и судопроизводства представляетъ очень много трудностей, потому что излагающему приходится постоянно согласовать два противоположныя начала общественнаго быта, т. е. начала общественнаго порядка и юридической индивидуальной свободы. Для согласованія ихъ нужно выставить общее мѣрило. Но выставленное мѣрило едва ли можетъ имѣть общее значеніе въ отношеніи къ разнымъ народамъ, а въ особенности въ отношеніи къ разнымъ временамъ. Понятія и начала общественнаго быта измѣняются, смотря по времени и мѣсту, а потому и мѣрило этихъ понятій не можетъ быть одинаково, т. е. теорія уголовного судопроизводства измѣняется постоянно, угадывая и разыскивая это мѣрило согласованія началъ общественнаго быта.

При изложеніи историческомъ мы встрѣчаемъ совершенно другія трудности. Въ историческихъ памятникахъ, касающихся нашей науки, мы находимъ обыкновенно не болѣе, какъ общія основанія уголовного судопроизводства и судопроизводства, и то не полныя, обозначенныя чаще примѣрами, чѣмъ общими опредѣленіями, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ безъ систематическаго порядка. Основанія эти были пополняемы и даже измѣняемы судебною практикою. Такъ, что, для представленія уголовного судопроизводства давнихъ временъ, мы вынуждены изъ общихъ данныхъ создать всѣ подробности предмета, руководствуясь единственно очень не многими судебными актами, которые обыкновенно, а по крайней мѣрѣ очень часто, противурѣчатъ основаніямъ, изложеннымъ въ памятникахъ. Согласовать эти данныя и изъ столь скуднаго матеріала начертать очеркъ историческаго развитія—не легкая задача.

Употребляя методъ сравнительнаго преподаванія, мы должны сперва поставить общія основанія, чтобы имѣть возможность приняться за критику постановленій разныхъ законодательствъ. Здѣсь мы встрѣтимъ всѣ затрудненія, уже указанныя при употребленіи те-

оретического метода. Кроме того законодательства по нашему предмету представляют очень много разнообразія: сравнивая их, мы часто сталкиваемся съ такимъ количествомъ взглядовъ, что едва ли возможно подвергнуть каждый критическому разсмотрѣнію, показать его неосновательность, чтобы наконецъ доказать, что однѣ только основанія, принятія въ изложеніи, выдерживаютъ критику. Но это еще не все. Въ подробностяхъ предмета мы встрѣчаемъ часто такое разнообразіе взглядовъ, что едва ли ихъ можно подвести подъ какія нибудь категоріи, не говоря уже о постановленіяхъ, которыхъ почти нельзя объяснить, которыя, кажется, вошли въ кодексъ только по подражанію, а можетъ быть и совершенно случайно. Сравнивая законодательства, которыя не сведены въ полныя систематическія уложенія, мы не рѣдко принуждены устанавливать и самый текстъ закона изъ узаконеній разныхъ временъ. Наконецъ, побѣдивъ всѣ вышесказанныя трудности, мы будемъ еще имѣть предъ собою объясненіе распоряженій разныхъ законодательствъ мѣстными нуждами, историческимъ развитіемъ народа, пространствомъ обитаемой земли, климатомъ, народнымъ богатствомъ, народнымъ характеромъ и т. п. Это намъ необходимо, если желаемъ узнать духъ закона, а не одну лишь внѣшнюю его форму, объяснять его не по буквамъ, а по смыслу. Сказаннаго достаточно, чтобы показать трудности, которыя влечетъ за собою употребленіе метода сравнительнаго преподаванія.

Если мы наконецъ обратимся къ методу догматическаго изложенія, то и здѣсь встрѣтимъ не менѣе затрудненій.

Въ теперешнихъ губерніяхъ Радомской, Келецкой, Сѣдлецкой и Люблинской, Австрія, которой эти губерніи принадлежали въ началѣ текущаго столѣтія, ввела въ 3 день сентября 1803 г. свое уголовное законодательство въ польскомъ переводѣ п. з. *Księga ustaw na zbrodnie i ciężkie policyjne przestępstwa*, и дала этому уставу силу обязательнаго закона. Уложеніе это состоитъ изъ двухъ частей: I-я часть, о преступленіяхъ (о *zbrodniach*), II-я часть, о тяжкихъ полицейскихъ проступкахъ (о *ciężkich policyjnych przestępstwach*). Каждая изъ этихъ частей подраздѣляется на два раздѣлы (*wydziały*): въ I-мъ помѣщено уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ, во II-мъ уставы судопроизводства. Уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ замѣнено въ послѣдствіи, въ $14\frac{1}{26}$ день апрѣля 1818 г., уголовнымъ уложеніемъ для Царства Польскаго (*Prawo ko-*

deksu karzącego dla Królestwa Polskiego) ¹⁾ и наконецъ уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ отъ ^{12/24} марта 1847 г.; уставы же уголовного судопроизводства до сихъ поръ не потеряли значенія положительнаго, закона дѣйствующаго въ указанныхъ губерніяхъ—первый изъ нихъ, т. е. 2-й раздѣлъ I-й части, уставъ судопроизводства по уголовнымъ преступленіямъ, подраздѣленъ на 20 отдѣленій и 347 §, начиная съ § 211 — 557 I-й части,—второй, т. е. 2-й раздѣлъ II-й части, уставъ судопроизводства по тяжкимъ полицейскимъ проступкамъ, раздѣленъ на 9 отдѣленій и состоитъ изъ 185 §, начиная съ 276 § — 459 § II-й части.

Остальнымъ шести губерніямъ, которыя въ началѣ текущаго столѣтія принадлежали Пруссіи это правительство даровало свое законодательство, а также въ 11 день декабря мѣсяца 1805 г. Уставъ уголовного судопроизводства. (*Allgemeine Preussische Criminalordnung*), который въ послѣдствіи переведенъ *Ставярскимъ* п. з. *Ordynacja kryminalna*, и въ польскомъ переводѣ до сихъ поръ имѣетъ силу закона Прусское уложеніе раздѣлено на 9 титуловъ, изъ которыхъ нѣкоторые подраздѣлены на отдѣленія и наконецъ на §§, въ общемъ числѣ 638.

Оба эти законодательства, созданныя подъ вліяніемъ первыхъ попытокъ реформы средневѣковыхъ уставовъ уголовного судопроизводства, отличались человеколюбіемъ и прогрессомъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, но не могли оказаться достаточными для слѣдующихъ поколѣній. Чисто слѣдственное начало, на которомъ построены оба законодательства, не соответствовало общественному развитію и нуждамъ слѣдующихъ поколѣній, и потому уставы эти были измѣняемы и пополняемы значительнымъ количествомъ декретовъ, распоряженій, указовъ, постановленій, инструкцій, рескриптовъ и т. п. начиная съ 1806 г., при часто повторяемыхъ обѣщаніяхъ о дарованіи новаго единообразнаго для всего Царства устава уголовного судопроизводства. Всѣ эти пополненія уставовъ помѣщены:

въ IV томахъ дневника законовъ Княжества Варшавскаго;

въ LXIX томахъ дневника законовъ Царства Польскаго;

¹⁾ Напечатанное въ дневникѣ законовъ Царства Польскаго. V томъ. 3—292 стр.

въ XV томахъ сборника административныхъ распоряженій Царства Польскаго: вѣдомство юстиціи;

въ остальныхъ LIV томахъ того же сборника;

въ ежегодномъ изданіи „Rocznik sądowy“, Правительственной Коммисіи Юстиціи.

Наконецъ въ распоряженіяхъ разныхъ правительственныхъ властей, которыя до сихъ поръ нигдѣ не печатаны, и которыя находятся въ архивахъ Правительственной Коммисіи Юстиціи.

Здѣсь нужно замѣтить, что, кромѣ всего вышесчисленнаго матеріала, мы нерѣдко въ судебной практикѣ встрѣчаемъ такіе формальности, на счетъ которыхъ не имѣется никакихъ постановленій, ибо за практика пополнила очень частые пробѣлы закона, постоянно измѣняемаго, и почти никогда несогласуемаго съ прежде изданными постановленіями.

Изученіе столь обширнаго матеріала, уже по самому объему, представляетъ очень много затрудненій. если даже и не обратимъ здѣсь вниманія: на необходимость установить во многихъ случаяхъ нынѣ дѣйствующій законъ между различными постановленіями, относящимися къ разнымъ временамъ; на то, что между постановленіями мы находимъ не одно, основанное на началахъ, противорѣчащихъ началамъ, принятымъ въ прежнихъ законахъ, такъ что приходится согласовать постановленія, совершенно различныя, противорѣчающія другъ другу, потому только, что законъ, позже изданный, не отнять обязательной силы у прежняго закона и даже не указать оснований для согласованія такихъ предписаній; если наконецъ, мы и не укажемъ здѣсь на пробѣлы, которые до сихъ поръ остались между постановленіями разныхъ временъ, и которые практика не всегда пополняетъ соотвѣтственно духу закона: при этомъ не упустимъ изъ виду, что намъ придется объяснять законъ, котораго текстъ переведенъ съ нѣмецкаго буквально, который въ многихъ мѣстахъ почти лишенъ смысла. Этого будетъ достаточно для указанія на трудности, съ которыми мы встрѣтимся при догматическомъ изложеніи нашего предмета.

Да и это еще не всё.

Съ 1807 г. въ постановленіяхъ разныхъ правительствъ, по части уголовного судоустройства и судопроизводства, мы встрѣчаемъ

постоянныя обѣщанія дарованія новаго устава уголовного судопроизводства.

Послѣднее обѣщаніе мы находимъ въ инструкціи юридической комисіи въ Царствѣ Польскомъ отъ $\frac{2}{14}$ іюля 1865 г. ¹⁾ въ ст. 9-й, въ словахъ: „При начертаніи основныхъ началъ и самыхъ проектовъ судоустройства и судопроизводства принимаются къ руководству Высочайше утвержденные судебные уставы имперіи; на сколько это возможно по мѣстнымъ условіямъ края, согласно соображеніямъ, изложеннымъ въ Высочайше утвержденномъ 24 февраля (8 марта) 1865 г. журналѣ комитета по дѣламъ Царства Польскаго.“

Изучая законъ, нынѣ дѣйствующій, мы не можемъ упустить изъ виду и предстоящей реформы, тѣмъ болѣе, что намъ объявлено основаніе будущаго устава уголовного судопроизводства. Уставъ 1864 г. построенъ на совершенно новыхъ, согласныхъ съ научными требованіями, началахъ, принимаетъ формы, которыя не легко уразумѣть познакомленному только съ слѣдственнымъ порядкомъ производства; соображая же, что каждый новый законъ на столько улучшить юридическія отношенія общества, на сколько примѣняющія его лица уразумѣли духъ его, сжились съ нимъ и въ состояніи одушевить новою жизнью мертвую букву закона, мы убѣдимся, что и намъ слѣдуетъ подготовиться т. е. точно познакомиться съ уставомъ уголовного судоустройства и судопроизводства отъ 20 ноября 1864 г.

Съ которой стороны пришлось бы приняться, предметъ представляетъ много затрудненій. Слѣдуетъ спросить, который изъ этихъ методовъ надобно употребить въ нашемъ преподаваніи въ текущемъ году?

О догматическомъ изложеніи вѣчего и разсуждать — юридическій факультетъ подготовливаетъ будущихъ практическихъ юристовъ, и потому въ преподаваніи положительный законъ составляетъ непремѣнную часть изложенія. Такъ какъ положительный законъ будетъ въ короткое время измѣненъ, то, приготавлиаясь къ практикѣ, намъ необходимо изучать какъ нынѣ дѣйствующій законъ, такъ и

¹⁾ Дневникъ законовъ Царства Польскаго LXIII, 211.

тотъ, который предстоитъ т. е. уставъ уголовного судопроизводства отъ 20 ноября 1864 г.

Задача университета не ограничивается однако подготовленіемъ спеціальныхъ людей для практики. Университетское преподаваніе должно способствовать развитію науки и потому при изложеніи предмета нужно имѣть въ виду и теоретическую, философскую обработку.

По уголовному судоустройству и судопроизводству самый важный матеріалъ представляютъ новѣйшіе труды законодательныхъ властей разныхъ государствъ, протоколы ихъ совѣщаній, и наконецъ судебная практика, которая повѣряетъ достоинство каждаго законодательнаго постановленія. Чтобы получить твердую опору для философскаго изложенія, чтобы каждое теоретическое правило повѣрить на практикѣ, чтобы избѣгнуть ошибокъ, которыя нерѣдко сопутствуютъ спекулятивнымъ твореніямъ, намъ нужно непремѣнно употребить и методъ сравнительнаго преподаванія.

Для уразумѣнія смысла положительнаго закона, для того, чтобы понять и оцѣнить достоинство теоріи уголовного судопроизводства, нужно ознакомиться по крайнѣй мѣрѣ въ общихъ чертахъ съ исторією предмета.

Такимъ образомъ для изученія уголовного судоустройства и судопроизводства въ теперешнее время, мы должны употреблять историческій, теоретическій или философскій, сравнительный и догматическій методы, изучая догматически нынѣ дѣйствующіе законы и уставъ уголовного судопроизводства отъ 20 ноября 1864 г.

Всесторонно обрабатывая предметъ, мы не можемъ разумѣется не дать одному изъ упомянутыхъ методовъ преимущества передъ другими. Вопросъ однако состоитъ въ томъ, которому изъ методовъ при нашихъ теперешнихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ дать первенство?

Историческій методъ важенъ въ особенности тамъ, гдѣ законодательство развивается исторически, гдѣ положительный законъ—произведеніе жизни народа, которому дана только письменная форма. На материкѣ Европы теперѣ законодательства не развиваются по этому методу, напротивъ того, положительный законъ въ Европѣ, это спе-

кулативное твореніе, часто не имѣющее съ жизнью народа ничего общаго, кромѣ того, что народная жизнь вдавливаясь въ его формы и правила. У насъ въ началѣ текущаго столѣтія перестало дѣйствовать древнее законодательство, развившееся по историческому методу, и получили силу закона законодательства австрійское и прусское, основанныя на раціональныхъ началахъ, которыя съ древнимъ закономъ имѣли одно только общее: — народъ, который долженъ былъ сжиться съ новыми дотолѣ ему незнакомыми началами. Всѣ затѣмъ слѣдующія измѣненія и пополненія этихъ законодательствъ не обращали тоже вниманія на историческія начала: каждое распоряженіе ставило себѣ задачу удовлетворить минутной нуждѣ, не обращая вниманія на прошедшее, такъ что вся дѣятельность законодателя по нашему предмету опиралась на апріористическомъ началѣ. Даже всѣ стремленія, создать новый уставъ уголовного судопроизводства, или основательно преобразовать существующіе, руководствовались апріористическимъ началомъ, перемѣняя постоянно образцы, по которымъ составляли проекты уставовъ. Во время княжества Варшавскаго, согласно съ духомъ времени, законодатель подражалъ образцу французскому, такъ что и проектъ устава, приготовленный для сейма 1811 г., былъ составленъ исключительно по французскому Code d'instruction criminelle. Съ перемѣною обстоятельствъ, законодательная коммиссія обратилась къ другому законодательству, а именно англійскому, на основаніяхъ котораго созданъ проектъ 1818 г., первый въ Европѣ, который чистосердечно принялъ начала англійскаго уголовного судопроизводства. Но по этому направленію законодатели трудились не долго. Уже проектъ, отброшенный сеймомъ 1820 г. былъ основанъ на нынѣ еще дѣйствующихъ прусскомъ и австрійскомъ законодательствахъ, т. е. на чисто слѣдственной системѣ, не принималъ суда присяжныхъ, что и составляло главный поводъ не утвержденія его сеймомъ. Единственное достоинство этого проекта состояло въ томъ, что онъ замѣнялъ собою различныя законодательства, дѣйствующія на столь маленькомъ пространствѣ, какъ Царство Польское, объединялъ законъ.

Позднѣйшія проекты и. п. Высочаше утвержденный, но неприведенный въ дѣйствіе 1856 г. и частныя перемѣны отдѣльныхъ частей уставовъ основывались на тѣхъ же началахъ. Только проектъ, выработанны профессоромъ Голевинскимъ въ 1862 г., обра-

тился снова къ образцу французскому, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исправленному, сообразно требованіямъ науки. Предстоящая реформа будетъ основываться на новомъ русскомъ законодательствѣ, согласно выше прописанной ст. 9 инструкции. Изъ сказаннаго видно, что все развитіе уголовного судоустройства и судопроизводства въ Царствѣ Польскомъ, въ текущемъ столѣтіи, основано на апріористическомъ методѣ. При такомъ состояніи нынѣ дѣйствующаго законодательства и предстоящей реформы, историческій методъ не представляетъ слишкомъ большаго интереса. Не смотря на то, намъ необходимо употребить его, чтобы имѣть понятіе объ историческомъ развитіи предмета вообще, и чтобы объяснить отношенія разныхъ предписаній, измѣняющихъ прусскій и австрійскіе уставы. Въ послѣднемъ отношеніи, мы будемъ изучать исторію законодательныхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ у насъ въ текущемъ столѣтіи. Кромѣ того, намъ прійдется объяснить исторически не одно предписаніе другихъ законодательствъ, въ особенности англійскаго, французскаго и т. п., чтобы понять основанія нынѣ тамъ дѣйствующихъ законовъ. Вотъ насколько намъ необходимо употребить историческій методъ, обрабатывая уголовное судопроизводство. Излагать же исторію уголовного судопроизводства болѣе подробно, я не считаю необходимымъ въ настоящемъ году, ибо за исключеніемъ научнаго интереса изученіе это не принесло бы большей практической пользы.

Сравнительный методъ въ нашемъ преподаваніи имѣетъ значеніе основанія и повѣрки теоріи уголовного судопроизводства, — и ему тоже мы не можемъ дать первенства передъ другими. Догматическое изученіе законовъ другихъ государствъ приноситъ не малую пользу, но едва ли вознаграждаетъ употребленный трудъ, и потому мы не будемъ изучать уставовъ другихъ государствъ подробно, но на столько, чтобы получить основаніе для теоретическаго строенія, мы будемъ дѣлать общія сравненія между законодательствами, Англии, Шотландіи и Сѣверо-американскихъ штатовъ, Франціи и главныхъ германскихъ государствъ вмѣстѣ со швейцарскими уставами, по каждому главному вопросу судоустройства и судопроизводства, сводя законодательства, совмѣщающія подобныя распоряженія въ отдѣльныя группы, и подвергая критической оцѣнкѣ взглядъ каждой категоріи. Для повѣрки же нашей теоріи мы будемъ прибѣгать къ

результатамъ практики чужестранныхъ законодательствъ, на сколько они доступны по статистическимъ таблицамъ и по мнѣніямъ, выраженнымъ юристами практиками въ печати.

Остается еще избрать между методомъ теоретическимъ и догматическимъ, и обозначить, на сколько каждый изъ нихъ найдетъ примѣненіе въ преподаваніи.

Что касается теоретическаго изложенія, то оно должно составлять основаніе каждаго университетскаго преподаванія;—но, предметъ, который я имѣю честь представлять, болѣе другихъ практиченъ, въ немъ каждая формальность, каждая статья, на столько основательна, на сколько одобряется практикою, и отъ того давать преимущество исключительно теоретическому методу невозможно. Теорія излагаетъ основанія, которыя должны руководствовать законодателемъ, она выражаетъ необходимость преобразованій и указываетъ путь, по которому реформа должна идти.—Въ сравненіи съ нынѣ у насъ дѣйствующимъ закономъ, предстоящій образецъ для реформы т. е. уставъ уголовного судопроизводства 1864 г., можетъ быть разсматриваемъ, какъ теорія уголовного судопроизводства, тѣмъ болѣе, что въ многихъ отношеніяхъ онъ представляетъ сформулированныя въ законѣ послѣдніе результаты науки.—На основаніи этихъ соображеній, мы не можемъ дать исключительнаго преимущества теоретическому методу въ значеніи спекулятивнаго творенія—но мы однако употребимъ этотъ методъ для изслѣдованія главныхъ началъ уголовного судопроизводства; въ послѣдствіи мы проведемъ логично эти начала по всему предмету, указывая на нихъ при разборѣ подробностей; наконецъ подвергая критикѣ постановленія разныхъ законодательствъ, мы будемъ выводить и самыя теоретическія правила.

Остается догматика нынѣ дѣйствующаго права и устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года какъ образца будущаго закона. По этому методу, разумѣется, мы должны изучить предметъ подробно, чтобы познаться съ цѣлостію предмета, чтобы подготовиться къ практикѣ и предстоящей реформѣ, и чтобы получить матеріалъ для теоретической критики.

Такимъ образомъ основаніе преподаванія будетъ составлять догматика нынѣ дѣйствующаго права и устава уголовного судопроизводства 1864 г., служащая матеріаломъ критики, на основаніи

теоріи уголовного судопроизводства, опирающейся на сравненіи новѣйшихъ европейскихъ законодательствъ и объясненная историческими замѣчаніями.

Каждый изъ вышесказанныхъ методовъ представляетъ не мало трудностей при изложеніи уголовного судоустройства и судопроизводства, — мы же указали на необходимость всесторонней обработки предмета. что разумѣется усложняетъ задачу. Намъ придется одолѣвать грамаду матеріала и соперничать съ разнообразіемъ, доходящимъ до цѣлыхъ десятковъ взглядовъ, устанавливая правила тамъ, гдѣ почти нѣтъ точки опоры, и наконецъ овладѣть положительнымъ закономъ и уразумѣвать смыслъ его. Задача очень трудна. — Стоитъ ли бороться съ такими препятствіями? Употребленный трудъ принесетъ-ли надлежащую пользу?

Самая трудная задача познать человѣка. — Для разрѣшенія ея нужно знать себя, — себя же можно познать только тогда, когда мы познаемъ себя своими недостатками и слабостями, — и потому, чтобы познать человѣка, нужно изучать его слабыя стороны, его недостатки. — Двѣ науки изучаютъ человѣка съ этой стороны: медицина и уголовное право.

Медицина разсматриваетъ каждое недѣлимое порознь, изучая матеріальную оболочку человѣка — тѣло, и старается овладѣть физическою болѣзнью и недостатками человѣка. Уголовное право разсматриваетъ каждую единицу, какъ часть огромнаго цѣлаго, часть общества, изучаетъ моральную сторону человѣка, старается бороться противъ дурнаго направленія человѣческой воли, т. е. преступленія, и такимъ образомъ способствовать общественному развитію народовъ. — Если изученіе медицины, въ чемъ никто не сомнѣвается, представляетъ, несмотря на всѣ трудности, очень большой интересъ, и въ тысячу разъ вознаграждаетъ посвященный для изученія ея трудъ: — то и изученіе уголовного права, которое имѣетъ съ нею общее основаніе, недостатки человѣка, и стремится направить человѣческую волю къ добру, удерживая отъ зла, и такимъ образомъ способствовать развитію человѣка и общества — непременно приноситъ огромную пользу и съ лихвою вознаграждаетъ потраченный капиталъ труда.

Развитіе человѣка возможно только въ обществѣ. — Дообщественный бытъ, это варварство, это ступень, съ которой начинается

развитіе человѣка. Прогрессъ онаго возможенъ не въ каждомъ, а только въ устроенномъ обществѣ, т. е. въ такомъ, въ которомъ совершенно исчезаетъ единичное своеволие, а его мѣсто заступаетъ законная индивидуальная свобода. Устроенное общество опирается на положительномъ законѣ,—а потому безъ законнаго порядка, нѣтъ прогресса, нѣтъ развитія.

Часть положительныхъ законовъ, которая ставитъ себѣ задачею обезпечить исполненіе всѣхъ другихъ положительныхъ постановленій, которая стремится удержатъ общественный порядокъ—составляетъ объемъ уголовного права. Уголовное уложеніе объемлетъ изчисленіе дѣйствій и упущеній, запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія, опредѣляетъ наказаніе, соотвѣтствующее каждому преступленію и указываетъ мѣрило для означенія мѣры наказанія.

Изъ этого опредѣленія видно, что матеріальное уголовное право обезпечиваетъ общественный порядокъ только *in thesi*, теоретически.—На вопросъ—кому и когда слѣдуетъ примѣнить уголовный законъ, оно отвѣчаетъ, тому кто имѣетъ право, тогда, когда законъ будетъ нарушенъ. Но кто именно имѣетъ право примѣнять уголовный законъ? когда законъ нарушенъ? какъ отыскать нарушеніе закона? какъ отыскать преступника? какимъ образомъ доказать обвиняемому содѣянное имъ? какія средства нужно ему оставить, чтобы онъ былъ въ состояніи доказать неосновательность обвиненія? наконецъ, какимъ образомъ примѣнить и исполнить уголовный законъ въ данномъ случаѣ?—Вотъ на что не отвѣтитъ уголовное право, и что составляетъ предметъ уголовного судопроизводства и судопроизводства.

Изъ связаннаго мы легко замѣтимъ, что отношеніе между этими двумя предметами очень просто. Уголовное право, это обезпеченіе общественнаго порядка *in thesi*, примѣняемое на практикѣ для каждаго отдѣльнаго случая, посредствомъ формъ и правилъ уголовного судопроизводства и судопроизводства. Уголовное право это, такъ сказать, теорія, примѣняемая на практикѣ посредствомъ формъ и обрядовъ судопроизводства, и потому на изученіе уголовного судопроизводства, какъ на предметъ самый близкій практикѣ нужно обратить особенное вниманіе. Уголовное право, хотя и несовершенно, можетъ попасть только въ двѣ ошибки: законъ можетъ запретить дѣйствіе, само по себѣ не составляющее преступленія, или можетъ

означить слишкомъ большое, несоразмѣрное винѣ, несправедливое наказаніе: въ обоихъ случаяхъ ошибка уголовного законодателя повредитъ только желающему навлечь на себя этотъ вредъ, только преступнику. Ошибка въ уголовномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ можетъ только происходить отъ неуравновѣшенія двухъ главныхъ основъ общественнаго быта, т. е., законной индивидуальной свободы и общественнаго порядка,—и тогда, давая перевѣсъ первому началу, мы жертвуемъ правами всѣхъ гражданъ, и правами общественнаго быта; опираясь же исключительно на началъ общественнаго порядка, мы жертвуемъ правами обвиняемаго, свидѣтелей и пр. отнимая у нихъ достоинство полноправныхъ личностей.—И въ томъ и въ другомъ случаѣ отъ ошибки законодателя теряютъ только невинные граждане, виновный же въ обоихъ случаяхъ выигрываетъ. Ошибка законодателя въ уголовномъ судопроизводствѣ покровительствуетъ преступленію.

Но не только ошибка законодателя представляетъ такое различіе послѣдствій по этимъ двумъ предметамъ, ибо и ошибка судьи, применяющаго тоже положительный законъ если касается матеріальнаго уголовного права, можетъ только слишкомъ ограничить права преступника, если же касается уголовного судопроизводства, нарушитъ права чаще всего совершенно невинныхъ гражданъ.

Предметъ такой важности въ практическомъ бытѣ общества, обезпечивающій общественный порядокъ, и такимъ образомъ на практикѣ способствующій общественному развитію, я думаю, заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія каждаго мыслящаго чловѣка.

Въ текущемъ столѣтіи почти каждая часть нынѣ у насъ дѣйствующихъ законовъ была преобразуема соотвѣтственно нуждамъ теперешняго времени.—Нѣкоторыя части до сихъ поръ до известной степени согласны съ требованіями теоріи и практики напр. гражданское право, ипотечное право и пр.—Одно только уголовное судоустройство и судопроизводство не было преобразовано, и согласовано съ современными нуждами общества. Съ начала текущаго столѣтія во всей Европѣ законодатели перестраивали и исправляли по нѣскольку разъ эту часть положительныхъ законовъ, которая, такъ сказать, запоздала въ историческомъ развитіи.—Мы стали на точкѣ чужестранныхъ законодательствъ начала текущаго

столѣтія, и примѣняемъ на практикѣ на пространствѣ 2320 квадрат. миль два законодательства, изъ которыхъ ни одно не соотвѣтствуетъ теперешнимъ нуждамъ, да и вообще не имѣло другаго достоинства, какъ развѣ только первоначальныхъ усилій освободиться отъ среднѣвѣковаго варварства.

Такое состояніе нашего законодательства заставляетъ очень тщательно изучать уголовное судопроизводство, чтобы примѣнять несоотвѣтственный общественнымъ нуждамъ законъ со всевозможною пользою, чтобы быть органомъ исполненія этой важной задачи для общества, которой удовлетворяетъ уголовное судопроизводство, чтобы подготовиться къ предстоящей и обѣщанной реформѣ, и сдѣлаться достойнымъ и способнымъ исполнить эту важную задачу; т. е. ввести въ жизнь новый законъ и извлечь изъ него всевозможную пользу.

Изъ сказаннаго видно, что уголовное судоустройство и судопроизводство и какъ наука, и какъ предметъ примѣненія, и наконецъ, въ особенности, по мѣстнымъ причинамъ заслуживаетъ самага тщательнаго изученія. Правда занятіе этимъ предметомъ представляетъ не мало трудностей, мы ихъ не скрываемъ, мы ихъ указали сразу, но тѣмъ не менѣе, этотъ трудъ вознаграждается общественною пользою. Гдѣ общественная польза зоветъ, тамъ молодежи призывать не нужно, и потому я увѣренъ, что не смотря на всѣ трудности, я найду въ васъ, милостивые государи, ревностныхъ сотрудниковъ.

В. Микляшевскій.
